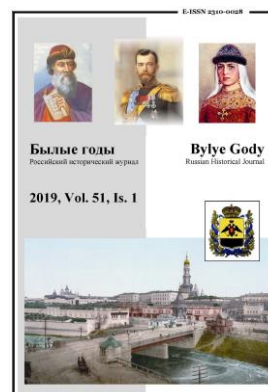

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 296-305. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.296
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Jewish Community Beyond the Pale of Settlement in late XIXth – the beginning of the XXth centuries: the Case of Ekaterinodar

Ekaterina S. Norkina ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The Jewish community beyond the Pale of Settlement as a phenomenon have not received sufficient comprehensive scholarly attention. Typically, our knowledge of it is limited to the studies of history of some Jewish communities in different internal regions of the Russian Empire. In the presented article the Jewish community is a group of persons who considers everyday life staying in relations with coreligionists and Jewish tradition. This paper will fill this gap through a contextualized examination of how members of Jewish community stayed “Jewish” despite on high level of their success in the local Russian society. I show that the process of modernization of Jewish life touches even small Jewish community beyond the Pale by the example of small city in Russian province – Ekaterinodar. The study is based on the wide range of historical sources: official documental materials of the Russian imperial bureaucracy, private letters, Russian and Russian Jewish periodicals, Jewish metrical books, ethnographical notes printed in Hebrew. The author came to the conclusion that it is more correctly to use word “society”, but not “community” regarding Jewish society of Ekaterinodar or any similar society in internal Russian city. The Jewish community in its classical definition have not existed there by the beginning of the XXth century.

Keywords: Jews, community, Synagogue, Ekaterinodar, Judaism, Rabbi, Zionism.

1. Введение

К началу XX в. в Екатеринодаре существовала синагога, функционировало еврейское кладбище и один человек официально занимал должность шойхета (ЦАИЕН. НМ 2/8271-1. Л. 165). Местное еврейское население не имело финансовой возможности для содержания постоянного раввина и по религиозным вопросам подчинялось раввинату Керчь-Еникальского градоначальства. На практике это означало, что раввин приезжал в Екатеринодар лишь несколько раз в год. В городе действовало только одно еврейское благотворительное общество, необходимость в котором возникла в связи с Первой мировой войной: это Екатеринодарский еврейский комитет помощи жертвам войны, следы существования которого появляются в прессе в начале 1917 г. (Еврейский художественный..., 1917: 3). В целом, для местного еврейского общества была характерна слабая политическая жизнь: имеется одно упоминание о попытке функционирования партии БУНД и личные свидетельства о низкой активности сионистов.

Пожалуй, для небольшого города русской провинции, находившегося за чертой еврейской оседлости с действовавшим дополнительным ограничением для въезда и пребывания евреев, данные характеристики местного еврейского общества вполне закономерны. Еврейское население было малозаметным в общей массе населения: его численность, по данным на 1897 г., составляла менее 1 % городского населения (Первая Всеобщая перепись..., 1905: III), что также примерно соответствовало ситуации в других небольших городах внутренних губерний империи. В Екатеринодаре не существовало четко очерченного «еврейского» района. «Звезда Давида» на фасадах домов дореволюционного Екатеринодара краеведами никогда не отмечалась (Казачек, 2002: 106).

* Corresponding author

E-mail addresses: Norichmail@yandex.ru (E.S. Norkina)

Если в черте оседлости общинная жизнь была традиционным явлением, неотъемлемой частью повседневности жизни, то за ее пределами для малочисленного еврейского населения открывались иные способы существования в нееврейской среде. Община постепенно переставала занимать центральное место в жизни еврейского населения. Находясь в условиях меньшинства на территории, «закрытой» для простых обывателей из числа еврейского населения и тем самым «удобной» для ассимиляции, все же многие его представители продолжали проявлять свою причастность к жизни местного еврейского сообщества, как светской, так и религиозной.

Необходимость изучения еврейской общины за чертой оседлости «изнутри» назрела уже давно. К осознанию существования такого пробела в иудаике пришла современный историк Л.В. Кальмина в 2003 г. в работе по истории еврейских общин Восточной Сибири (Кальмина, 2003: 4). Актуальность представленного исследования сегодня повышается тем, что в многочисленных работах по истории еврейских общин за чертой оседлости мало кто из авторов задается вопросом о параметрах таких общин. Попытка заглянуть «внутрь» общины является более сложной задачей, особенно в связи с недостатком или полным отсутствием документов внутриобщинного делопроизводства. В связи с этим авторы, опираясь на документы имперской бюрократии, последовательно излагают историю появления первых еврейских переселенцев, их социально-демографическую характеристику, роль в местной общественной и экономической жизни, отношение к ним имперской власти.

2. Материалы и методы

Для изучения внутренней жизни еврейской общины необходимо привлечение соответствующих документальных материалов личного происхождения, принадлежащих ее членам, или документов внутриобщинного делопроизводства, которые практически не сохранились. В связи с этим для подобной постановки проблемы целесообразно привлечь материалы, отражающие факты из жизни отдельных личностей – участников внутриобщинной жизни. Они могут косвенно свидетельствовать о том или ином выборе отношения с общиной и единоверцами. В данной работе привлекается широкий спектр источников: делопроизводственные материалы, личная переписка, периодические издания, этнографические заметки, опубликованные на иврите, еврейские метрические книги. Большинство неопубликованных документов (архивов Израиля, России) впервые вводятся в научный оборот.

Указанный спектр источников определил и методы изучения общины в Екатеринодаре. Община интересует нас как составляющие ее личности, которые определяют ее, принимают или отторгают новые процессы, связанные с модернизацией иудаизма в Новое время и влияющие на внутреннюю жизнь. В представленной работе мы отходим от исследования еврейской общины как объекта и субъекта права, как, например, это предпринято И. Левитацем в изучении еврейских общин Российской империи (Левитац, 2013). Мы принимаем во внимание, что на формирование местной еврейской общины могли оказывать влияние как еврейские традиции, так и местные административные установки и особенности локального (нееврейского) сообщества.

Проблема сохранения идентичности и облика еврейской общины в Новое время занимала многих исследователей. Они отмечают значительное влияние эмансипации и упразднения традиционных институтов общины на изменения в идентичности и внутриобщинной жизни. В частности, историк Я. Кац определяет общину как подгруппу, отличающуюся от окружающего населения профессиональными предпочтениями, семейным укладом и связями с другими еврейскими общинами. Он подчеркивает, что внутри еврейского сообщества оставалось прежнее единение и сохранилась традиция взаимопомощи (Katz, 1998). По мнению современного израильского историка И. Барталя, традиции удалось изменить социальную структуру общины, но она не смогла стереть этническую самобытность евреев. Эта самобытность продолжала существовать в социальной и культурной сферах. Память о прошлом являлась важнейшим элементом в картине мира восточноевропейского еврея. Евреи превратились из религиозной корпорации в нацию в составе полиэтнической империи (Барталя, 2007: 21).

Как Кац, так и Барталя проводили изучение особенностей еврейской общины на материалах территорий, где еврейское население было достаточно заметным, а существование еврейской общины как института являлось доказанным фактом. Современные историки Б. Натанс и И. Кляйнман обратились к внутриобщинной жизни за чертой оседлости в двух столичных городах Российской империи: в Санкт-Петербурге и Москве, в которых также существовали организованные еврейские общины. Их работы представляют собой два разных подхода к изучению проблемы еврейской идентичности и внутриобщинной жизни. Б. Натанс сконцентрировался прежде всего на представителях еврейской элиты в Санкт-Петербурге, показав процесс их интеграции в Российской империи (Натанс, 2007). И. Кляйнман продемонстрировала появление нового типа еврейской общины за чертой оседлости, стремившейся сохранить традиции, но не всегда справлявшейся с задачей. Это было связано как со случаями крещения, так и с безразличием евреев к религиозной жизни в синагоге (Kleinmann, 2006). Кляйнман фокусируется на социальных процессах двух столиц: урбанизации, мотивациях миграции и экономических соображениях, оказавших влияние на повседневную жизнь евреев.

Принимая во внимание исследовательские методы Натанса и Кляйнман, в данной работе мы предпринимаем попытку комбинированного подхода: нас интересует не история общины «извне», а следы внутриобщинной жизни и сохранения идентичности за чертой оседлости. Не обходя вниманием и социально-демографические особенности местного еврейского населения, мы сконцентрируемся на следующих вопросах. Как можно охарактеризовать взаимоотношения в среде еврейского населения? Каково было отношение евреев к участию в религиозной жизни? Каков был статус в местном обществе и роль в общественной жизни? Продолжала ли еврейская община существовать как единое целое? Ощущали ли участники местной общинной жизни со своими единомыслителями этого же города и одновременно других городов? Когда появляется светская составляющая жизни местного еврейского сообщества? Мы проведем исследование, привлекая факты из жизни нескольких личностей, принимавших активное участие как в местной общественно-экономической городской деятельности, так и поддерживавших связи в еврейском обществе. Основное внимание будет сосредоточено на фактах, отражающих соотношение уровня ассимиляции и уровня причастности к еврейской общинной жизни и сохранения традиций.

3. Обсуждение

Еврейское население Кубани уже не раз становилось объектом изучения. Некоторые вехи истории еврейского населения Екатеринодара были продемонстрированы историками Н.И. Киреем (Кирей, 2000) и В.И. Колесовым (Колесов, 2007). Исследователей Е. Казачек (Казачек, 2002) и В. Маркова интересовали прежде всего процессы интеграции евреев Кубани в общество и социальная ниша, которую они занимали (Марков, 2006). Е. Казачек пишет о еврейской общине Кубанской области как о «социокультурном образовании, занимавшем важное место во всех структурах общества». Ее внимание сосредоточено на процессе интеграции и демографической характеристике общины, которую она называет «колонией» (Казачек, 2002: 115).

4. Результаты

Исследуя облик любой еврейской общины за чертой оседлости в Российской империи (за исключением общин крупных городов и столицы), следует иметь в виду несколько факторов, которые уже априори определяли ее локальные особенности и влияли на идентичность ее членов. Ограничительное законодательство, позволявшее находиться во внутренних губерниях лишь некоторым категориям евреев, приводило к малочисленности еврейской общины и к определенному социальному и профессиональному ее составу. Зачастую ее формировали лица, проживавшие в городе лишь временно или нелегально.

В целом переезд за черту оседлости был привлекательным для евреев, в частности работающих в сфере ремесла и торговли. Это был их шанс снизить уровень конкуренции. Действительно, заметное количество проживавших в Екатеринодаре евреев занимало нишу ремесленного производства. Это было связано с недостатком квалифицированных специалистов в среде местного казачьего населения, обусловленным исторической особенностью города: он изначально выполнял военную функцию и был закрыт для невоинского населения. Уже в 1830-х гг. в списках выселяемых из города значились еврейские ремесленники. Зачастую властям приходилось идти на уступки и разрешать оставаться евреям портным ввиду необходимости обеспечения казаков военной одеждой (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 604. Л. 71.).

Массовая официальная приписка евреев к Екатеринодару состоялась в 1869 г. по инициативе Кавказского Наместника Михаила Николаевича. Это событие было вполне закономерным для времени правления Александра II: либеральная политика императора затронула и еврейское население, позволив нескольким его категориям проживание за чертой оседлости. Кроме того, в этот период город открылся для лиц невоинского сословия. Причисляемые к городским жителям евреи были признаны «полезными» по роду своей деятельности – практически все желавшие приписаться к городу были ремесленниками. Кроме общей политики выборочной интеграции стимулом для открытия города пришлому еврейскому населению явилась продолжавшаяся острая нехватка ремесленников в Кубанской области. В списке приписанных к городским жителям числились портные, часовые, ювелиры. Путешественник-этнограф, известный своими трудами по истории и этнографии евреев Кавказа Й. Черный, проезжавший Екатеринодар в конце 1870-х гг., также подчеркивал преобладание среди еврейского населения именно ремесленников – «очень успешных ювелиров и портных» (Черный, 1884: 215). Многие из них к моменту приписки уже проживали в городе не один десяток лет, ежегодно продлевая пребывание документально или оставаясь нелегально с 1830-х–1840-х гг. Как правило, приезжавшие имели большие семьи. География переселенцев охватывала города черты оседлости: значительная часть приезжала из Екатеринославской, Полтавской, Минской, Гродненской губерний. За исключением нескольких человек, почти все были из крупных городов черты оседлости (ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 363). В этом списке значатся Соломон Цытрин, Яков Зон и Хаим Хохловкин, сыгравшие важную роль в функционировании еврейского общества в городе.

Соломон (Зельман) Цытрин проживал в Екатеринодаре с 1856 г. Он был керченским купцом 2-й гильдии и пожелал числиться в купеческое сословие Екатеринодара. В 1870 г. он уже был в

состоянии обозначить повышение своего статуса до купца первой гильдии, но по каким-то экономическим причинам передумал (ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 736). Соломон Цытрин активно участвовал в общественной жизни города и вкладывал немалые средства в городские нужды Екатеринодара. Очевидно, не забывал и о своем происхождении: имеются свидетельства о посещении им молитвенного дома. Так, в 1867 г. он произнес речь в молитвенном доме по случаю объявления Екатеринодара торговым городом, в которой призывал евреев «жить в согласии, обращая внимание на все общественные потребности» (Заявление евреев..., 1867: 108). Его статус в еврейском обществе и в городе в целом был высок: он был гласным еврейского общества Екатеринодара в местной Думе в 1867 г., наряду с другими шестью представителями от купцов, мещан и дворян города (Жадан, 2007: 41). Примечательно, что путь его успеха был достаточно быстрым, ведь лишь за несколько месяцев до этого Екатеринодар открылся для лиц невоинского сословия. В 1872 г. он был награжден городской властью за усердную службу по общественному управлению (ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 49).

Подобной чести и наград удостоился в те же годы еще один представитель местного еврейского общества в городской Думе Екатеринодара – Яков Зон, царскосельский купец первой гильдии. Он прибыл с семьей в Екатеринодар, приписавшись к городу на волне массового причисления еврейских ремесленников к городу в 1869 г. (ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 736) Как и Цытрин, Зон прославился благотворительной деятельностью – производил пожертвования на общественные нужды, в частности, в 1871 г. имеется упоминание о его пожертвовании на мощение тротуаров в городе (Кубанские областные ведомости. 1871. № 4. 23 января). Тогда же местное начальство ходатайствовало о награждении его Орденом Святого Станислава 3-й степени за бесплатный ремонт здания Екатеринодарского окружного суда (ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 54). Прямых свидетельств о его участии в жизни молитвенного дома не имеется, однако очевидно, что представлять еврейское общество того времени в Думе на практике и означало причастность к религиозному сообществу.

Вероятно, значившиеся в списке среди приписанных к городу ремесленники поддерживали связь друг с другом в повседневной жизни. Об этом косвенно свидетельствует следующий случай: ремесленник Янкель Фейгн настойчиво отстаивал свое право на проживание в Екатеринодаре перед местной администрацией. Фейгн проживал в Екатеринодаре на протяжении 10 лет с 1876 по 1886 гг., но документального подтверждения этому не имел. В этой связи он попросил местные власти обратиться за доказательством этого факта к нескольким лицам, которые значились в списке 1869 г., именно к евреям (РГВИА. Ф. 330. Оп. 35. Д. 1197). Они и выступили в качестве защитников и свидетелей перед местной властью.

Среди приписанных к Екатеринодору еврейских переселенцев значился Хаим Хохловкин, карасубазарский купеческий сын, деятельность которого свидетельствует о существовании религиозной жизни местного еврейского сообщества. Он совмещал обязанности раввина и резника в молитвенном доме, который был организован усилиями местных ремесленников в частном доме. В этом же доме была предпринята попытка устройства училища для еврейских детей (ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 961. Л. 45а). Имя Хаима Хохловкина также прозвучало в связи с конфликтом, произошедшим внутри еврейского общества города. В 1864 возникла ссора по поводу избрания резника. С 1862 г. с позволения Керчь-Еникальского еврейского раввина резником был избран Хаим Хохловкин. Через некоторое время группа евреев избрала себе другого резника, не известив об этом остальную часть общества. Выбор они обосновывали тем, что Хохловкин неаккуратно исполнял свои обязанности, резал птицу в пьяном виде, держал в доме бильярд. Участниками конфликта были лица, приписанные позже к Екатеринодору в качестве ремесленников, проживавших пока на временной основе, продлевая документы. Из списка двух оппозиционных групп нельзя сделать вывод об истинной причине недовольства ни по географическому принципу, ни по профессиональному. Не исключена вероятность и конфликта между лидерами общины, желавшими занять позицию резника. В одном из писем в адрес местной администрации защитники Хохловкина обвиняли своих противников в том, что они образовались «из мастеровых работников, людей грубых, безнравственных, лишенных воспитания» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2332. Л. 37). Вероятно, внутри общества произошел некоторый раскол ввиду прежнего социального статуса прибывших в Екатеринодар. Хаим Хохловкин в качестве резника также упоминается в работе Й. Черного (Черный, 1884: 225). Автор отмечает серьезный конфликт внутри еврейского общества на почве выбора шойхетов. Здесь не было постоянного раввина, постоянно действующей синагоги, а имевшееся здание, служившее в качестве молитвенного дома, делили на три части, и для каждой части был свой шойхет.

Как и в других регионах за чертой оседлости (например, в Сибири (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2332. Л. 37), особенностью еврейской духовной жизни было отсутствие подготовленных людей, обладавших знанием еврейского закона и тонкостей обрядов. Жившие в городе без единого учебного заведения, обучающего правилам и обрядам веры, древнееврейскому языку, евреи Екатеринодара столкнулись с проблемой сохранения тех устоев, которые были основой их идентичности на протяжении многих веков. Уже в конце XIX в. местное еврейское сообщество допускало мысль о том, что раввином можно избрать человека, мало сведущего в еврейской традиции. Об этом свидетельствует продолжающаяся несколько лет полемика о необходимости избрания постоянного раввина.

Введение института раввина в Кубанской области было затруднено по причине предъявлявшихся к раввину требований. Прежде всего он должен был обладать правом жительства, что после закона 1892 г., закрывавшего область для вновь прибывших евреев, заметно осложнилось. Кроме того, он должен был иметь определенный образовательный ценз: окончить курс в раввинском училище или в общем высшем или среднем учебном заведении. К концу XIX в. проблема отсутствия постоянного раввина обострилась. Из-за нехватки финансов еврейская община продолжала подчиняться Керчь-Еникальскому раввину. В 1896 г. еврейское общество Екатеринодара решало вопрос о возможности избрания раввина на постоянной основе, поскольку необходим был человек, который бы имел постоянное нравственное влияние на общество, «утонувшее в материализме» ([Кубанские областные ведомости. 1896. 4 января](#)). Вероятно, вопрос не был решен окончательно, т.к. тематика выборов раввина всплыла в 1908 г. Полемика развернулась на страницах газеты «Новая заря». Один из выступавших считал, что для исполнения этих обязанностей не обязательно иметь специальное образование, достаточно выбрать человека из местной общины с высшим образованием. Противники этой точки зрения полагали, что для раввина обязательно знакомство с еврейской традицией, который смог бы повлиять на молодежь «чуждую не только сущности веры, но и языка, на которой законы этой веры преподаны» ([К выборам раввина, 1908](#)). Подобный дискурс отражает изменения, происходившие в еврейском обществе в связи с интенсивным процессом ассимиляции, при котором намечался отход от традиций и менее строгие требования к их носителям.

Функционирование молитвенного дома в Екатеринодаре в конце XIX в. периодически прерывалось распоряжениями местной администрации о его закрытии. Имеется свидетельство, в частности, что в 1884 г. молитвенный дом был открыт, а через 2 года было избрано духовное правление, переизбранное в 1889 г. ([ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 709. Л. 105](#)). В 1900 г. молитвенный дом был снова закрыт ([РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 117](#)). По описанию одного из корреспондентов русско-еврейского периодического издания «Недельная Хроника Восхода», в 1887 г. состоялось освящение синагоги, на котором присутствовал глава города. По данным автора, в городе проживало около 200 еврейских семей, в основном ремесленников. Раввином числился раввин Керчь-Еникальского градоначальства Гальперн, а его помощником, постоянно жившим в Екатеринодаре, был О.С. Задунайский, совмещавший функции строителя и администратора синагоги. При ней была устроена Талмуд-Тора. Для автора заметки было неожиданностью увидеть вполне благоустроенную синагогу в городе, где евреям жить не разрешалось ([Недельная Хроника Восхода. 1887. № 42. 18 октября](#)).

Следы функционирования синагоги в начале XX вв. отражены в различных источниках. Так, в «Кубанском курьере» упоминается панихида по Александру II в синагоге в 1911 г., а также молебен по случаю юбилея освобождения крестьян от крепостной зависимости ([В синагоге, 1911](#)). По сведениям Начальника Кубанской области, синагогу посещали и субботники, молились и отмечали праздники вместе с евреями ([РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 346](#)).

В жизни синагоги Екатеринодара эпизодически принимали участие несколько человек, которых можно было условно отнести к группе «русско-еврейской интеллигенции». Ее формирование было общим явлением в жизни еврейских обществ как в черте оседлости, так и вне ее. Русско-еврейскую интеллигенцию составляли выпускники гимназий, университетов и казенных еврейских училищ, свободно владеющие русским и еврейскими языками. Вместо желанья культурных преобразований на первый план для них выходила задача социальной эмансипации евреев. Они были интегрированы в русское общество и в его рамках продолжали ощущать себя представителями основной массы еврейства, живущей в черте оседлости. Уроженец Кубанской области, в будущем крупнейший деятель сионизма, М. Гроссман так описывал еврейское население Кубани: «Несмотря на то, что их здесь мало (евреев – Е. Н), что большинство из них принадлежат к интеллигенции – они живут отдельной группой. Правда, они принимают участие в общественных делах, но живут – живут они в одиночестве» ([Гроссман, 1910: 23](#)).

Типичным представителем так называемой русско-еврейской интеллигенции (какой ее определил историк Дж. Клиер (Клиер, 1995) в Екатеринодаре был доктор медицины Исая Яковлевич Меерович. Он имел блестящее медицинское образование – диплом врача Петербургской медико-хирургической академии, особенно выделяясь этим среди местного екатеринодарского общества, не имевшего ни одного местного высшего учебного заведения. Получив диплом, Меерович поступил на государственную службу уездным врачом в Тургайской области, откуда и переехал в Екатеринодар в 1884 г. В городе получил место врача при больнице. Сначала был единственным врачом этой больницы, где было всего 25 мест. Количество мест увеличилось до 400 к началу XX в. Много лет состоял старшим врачом и преподавателем гигиены 1-й мужской гимназии и в местной Общине сестер милосердия, за что получил орден Св. Станислава 4-й степени. В 1887 г. защитил диссертацию на доктора медицины. Он подчеркивал, что воспитывал своих детей в той же вере, что и он (т.е. в иудаизме), впоследствии дети также поступили в разные высшие учебные заведения страны. У него была большая семья – четыре сына и одна дочь. Очевидно, он стремился дать своим детям достойное образование: один из его сыновей получил профессию зубного врача, двое были студентами высших учебных заведений, двое детей учились в гимназиях. За участие в Русско-японской войне получил ордена Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени, Владимира 4-й степени и все с мечами.

И. Меерович прославился своей обширной благотворительной деятельностью. Читал популярные лекции по медицине, оказывал бесплатные медицинские услуги бедному населению. Все атамань смотрели снисходительно на его постоянные благотворительные сборы, давали ему разрешение на устройство благотворительных спектаклей. Он жертвовал в основном для больницы, но собирал средства также и для других благотворительных учреждений (в частности для Общины Красного креста). Авторитет И. Мееровича был настолько велик, что распространялся даже на представителей администрации города. Он посещал вечера, где собирались высшие слои местного общества, присутствовал на городских обедах с городской головой. Его жена Берта Абрамовна Меерович поддерживала направления деятельности мужа и совместно с председателем «Общины сестер милосердия», женой начальника Кубанской области Софьей Иосифовной Бабыч, участвовала в сборе средств для общества, была учредителем приюта «Ясли» в Екатеринодаре, членом правления благотворительного «Общества при Екатеринодарской городской больнице» (Оспищева, 2003: 97). Подобная сопричастность жены к благотворительной деятельности, наряду с мужем, была в целом характерна для представителей русско-еврейской интеллигенции империи.

Меерович был заинтересован в просвещении и нравственном оздоровлении местного населения. По его выражению, «Знания зажигают в человеке искру Божью» (Меерович, 1906а). Он нашел единомышленников среди городской интеллигенции, с которыми выработал устав Кубанского Общества народных университетов. Способствовал организации Екатеринодарского общества борьбы с пьянством (ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5).

Вероятно, Меерович оставил свой след и в местной политической жизни. На него было заведено уголовное дело в 1908 г. по обвинению в участии в деятельности революционных партий. Он всячески отрицал свою к ней причастность. После реабилитации уезжал за границу, жил некоторое время в Берлине и был уверен в том, что его реабилитирует местная власть в глазах местного общества. Просвещал население относительно деятельности различных политических партий перед выборами в Думу (Меерович, 1906б).

Несмотря на довольно глубокое погружение в русскую общественную жизнь и сопричастность к городской деятельности, Мееровичу не была чужда внутренняя религиозная жизнь евреев. В частности, он жаловался власти на закрытие еврейского молитвенного дома Кубанским областным правлением в 1900 г. (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 117). Как сам свидетельствовал, оставался верен иудаизму: «Детей воспитывал в том же направлении, по которому шел я сам: все они остались верны вере своих отцов». Примечательно, что даже в своих речах по поводу различных общественных событий иногда свои тезисы подкреплял цитатами из Библии.

В отличие И. Мееровича, который оставался верен традициям своих родителей, другой известный общественный деятель Екатеринодара, врач А.Я. Рохлин к концу жизни принял христианство. После приобретения медицинского опыта в небольших населенных пунктах Кубанской области Рохлин приехал в Екатеринодар, вносил пожертвования на общественные нужды и занимался благотворительностью в виде бесплатных приемов в своей клинике (Рохлин, 1909). Сотрудничал с И.Я. Мееровичем в области медицины. Стал председателем филиального отделения Санкт-Петербургского врачебного общества взаимной помощи в г. Екатеринодаре и бывал в столице по делам этого общества. В 1905 г. на него была направлена основная агрессия населения с обвинениями его в причастности к деятельности социалистов, как на еврея и представителя интеллигенции, т.е. типичные обвинения во время погромов 1905 г. в Российской империи. А. Рохлин был популярным и уважаемым в городе врачом и общественным деятелем. Некоторые благодарные пациенты до погрома пытались предупредить его об опасности. Однако А. Рохлин, как и многие другие, не верил в серьезность намерений погромщиков и не ожидал от погромщиков жестокости, полагая, что все закончится лишь разбитыми окнами (Норкина, 2012). Вероятно, поддерживал связь с еврейскими общинами других регионов либо был известен как местный еврейский лидер далеко за пределами местной общины: именно к нему и к Мееровичу обратились представители Общества полноправия еврейского народа в России с предложением организовать в Екатеринодаре филиал этого общества (РГИА. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 281. Л. 1). О принятии им христианства свидетельствует некролог 1909 г.

Это далеко не единственный случай ухода евреев из общины. На протяжении всей истории пребывания евреев в Кубанской области наблюдаются случаи перехода евреев в христианство в силу разных обстоятельств, не исключая и способ легально остаться на проживании. М. Гроссман пишет, что в Екатеринодаре несколько еврейских семей, проживавших в области на протяжении 10–15 лет по особому разрешению и имевших свои магазины, власть внезапно выселяла по приказу. Часть из них вынуждена была креститься (Гроссман, 1910: 24). В метрических книгах православных приходов зафиксированы случаи перехода из иудаизма в православие в конце XIX в. Священники церкви Александра Невского в Екатеринодаре в течение 1890-х гг. записали в метрические книги «о родившихся» – перешедших из иудаизма в православие. К примеру, только в церкви Александра Невского в 1893 г. были крещены 8 иудеев, а в 1894 – 6 человек (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 34. Л. 25 об., 35 об., 60 об., 64 об., 71 об., 74 об., 82 об., Д. 37. Л. 22, 32 об., 80 об., 103 об., 117 об., 118 об., Д. 38. Л. 48 об., 58 об., Д. 39. Л. 110б). Принимавшие православие в основном были выходцами из черты еврейской оседлости среднего возраста, проживавшие в Екатеринодаре временно. Вступление в брак

также могло стимулировать переход в православие. Нами выявлены несколько случаев, когда иудеи переходили в православие, чтобы впоследствии вступить в брак с православными (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 34. Л. 159 об., 171 об., Д. 37. Л. 182 об.). Однако бывали и ситуации, когда в брак вступали два человека, исповедовавшие иудаизм, но перед браком крестившиеся. Приведем пример: в 1893 г. екатеринославский мещанин иудейского вероисповедания К.Б. Брусилевский был крещен в церкви Александра Невского в Екатеринодаре. В этот же день здесь была крещена екатеринославская мещанка Р. Меерова. Спустя некоторое время они вступили в брак, который был зафиксирован в метриках этой же церкви (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 37. Л. 180 об.).

Не исключено, что даже после перехода в христианство некоторые крещенные оставались верны своей исходной религии. Об этом свидетельствуют случаи возвращения в иудаизм в марте 1917 г., сразу после отмены национальных и вероисповедных ограничений. Начинают поступать прошения о разрешении евреям обратного перехода в иудаизм. В частности, такие разрешения на Кубани получили от раввина Борис Ланда Безверхий (ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 742. Л. 5), Лев Красинский (ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 742. Л. 10 об.), Борис Беркович (ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 749. Л. 1).

Немаловажным показателем особого места еврейского населения в городе является факт погромов 1905 г. Несмотря на то, что основная агрессия населения была направлена на интеллигенцию с обвинением в участии в революционном движении, толпа погромщиков обвиняла конкретных представителей еврейского населения. Разгрому подверглись именно еврейские дома (Мееровича, Рохлина и других). Это означало, что местное городское население все же не забывало о происхождении эти людей, и те, в свою очередь, каким-либо образом идентифицировали себя с еврейским населением или демонстрировали это участием во внутренней жизни еврейского сообщества.

О светской стороне жизни общины свидетельствуют попытки ведения политической деятельности. Несмотря на то, что по агентурным сведениям, на 1908 г. «сионистов в Кубанской области не обнаружено» (ГАКК. Ф. 586. Оп. 1. Д. 11), некоторая активность сионистов среди местного населения все же была. Так, Меерович поддерживал связь с сионистами. Этот факт установлен наличием его письма, адресованного М. Усышкину, возглавлявшему сионистскую деятельность на юге России. Меерович в письме с сожалением сообщал, что все существование сионистского кружка свелось к уплате шекельных взносов. По его словам, «многие местные евреи уже забыли, что они евреи». В письме он также просит о помощи: в Екатеринодаре необходим преподаватель и кто-либо, кто смог бы занимать должность казенного раввина (ЦСА. А.24\659-145).

Следы деятельности БУНДа или попыток организации его отдела в городе имеются лишь в одном источнике: в отчете агента Третьего отделения Департамента полиции. Согласно ему, на ул. Красной в Екатеринодаре в редакции журнала «Самопомощь» были обнаружены отчеты ЦК БУНДа (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1912 г. 6 ч. 36. Л. А).

Упоминание о собрании евреев встречается в одном из документов уже периода Временного правительства: 5 марта было проведено собрание евреев города Екатеринодара в помещении женского клуба, на котором решался вопрос об избрании представителя в Гражданский комитет. В результате этого собрания был составлен протокол (ГАКК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 22. Л. 35; Листок войны, 1917. № 911. Л. 4). В «Кубанском курьере» 1917 г. от 15 марта помещено объявление: «Евреи Екатеринодара приглашаются на Общее собрание в воскресенье в 7 часов вечера в помещении женского клуба...» (Кубанский курьер. 1917. 15 марта. Л. 1). Собрание было устроено для выборов представителей в Гражданский комитет, орган областной власти в начальный период правления Временного правительства. Таким представителем от еврейского населения города в Гражданский комитет был избран Исая Хейфец.

Имя Исая Хейфеца также было известно в городском масштабе до революции. Он прибыл в город из Керчи, состоял представителем сахарных заводов Бродского и пользовался известностью и уважением в коммерческом мире Екатеринодара. Он также входил в Екатеринодарский биржевой комитет (ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 35. Л. 2–11). Хейфец занимался благотворительностью в виде пожертвований различным городским организациям сахаром. Наряду с Мееровичем и Рохлиным, он состоял членом Кубанского общества народных университетов.

Примеры из жизни наиболее выдающихся и успешных представителей местного еврейского общества не исключают и факт сохранения своей идентичности простыми обывателями. Так, приписанный к Екатеринодару в 1869 г. ремесленник Ехиель Шварцман прожил в городе до старости и был похоронен на еврейском кладбище в 1915 г. с занесением записи в метрическую книгу раввином (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 250. Л. 3). Члены семьи Варшавских из группы приписанных к городу ремесленников в конце 1860-х гг., занимавшие прочное экономическое положение в городе, также значились в различных еврейских метрических книгах записей о смерти Кубанской области, что косвенно свидетельствует об их причастности к жизни общины (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 250).

5. Заключение

На основании приведенных нами примеров применительно к особенностям жизни еврейского населения в Екатеринодаре к началу XX в., пожалуй, более корректно будет говорить о некоем «сообществе», нежели о классической общине. Такой вывод может быть обоснован прежде всего тем,

что та организация, в которой участвовали местные евреи, не могла удовлетворять определению общины, которая существовала в черте оседлости. В последнем случае мы имеем в виду общину как религиозную конгрегацию, способ еврейского самоуправления и сочетание некоторых институтов для выживания в нееврейской среде, в частности развитая и находящаяся на высоком уровне благотворительная деятельность.

Несмотря на довольно успешную общественную деятельность многих евреев города и их вовлеченность в политическую жизнь, некоторые все же участвовали в светских и религиозных событиях местного еврейского сообщества. Это выразилось в благотворительной деятельности, заботе о синагоге и участии в еврейских праздниках.

Модернизация внутриобщинной жизни, произошедшая в Новое время, распространилась и на екатеринодарское еврейское население. Споры об образовательном уровне раввина указывают на динамическое развитие сообщества. Организация еврейских традиционных праздников в городском общественном пространстве свидетельствует о начавшейся тенденции отделения синагоги и религиозной жизни в ней от других важных сторон общинной жизни.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (15-18-00062) в СПбГУ.

Литература

- Рохлин, 1909 – Рохлин А.Я. // *На Кавказе*. 1909. № 4. С. 532–534.
- Барталь, 2007 – Барталь И. От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772–1881 гг. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2007. 262 с.
- В синагоге, 1911 – В синагоге // *Кубанский курьер*. 1911. № 717. 22 февраля.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гроссман, 1910 – Гроссман М. Провинция // *Новый Восход*. 1910. № 1. С. 21–24.
- Еврейский художественный..., 1917 – Еврейский художественный вечер // *Кубанский курьер*. 1917. 19 февраля. № 2275. С. 3.
- Жадан, 2007 – Жадан В.А. Становление системы местного самоуправления Екатеринодара (1868–1870 гг.) // *Екатеринодар–Краснодар: 140 лет городского самоуправления. История и современность*. Краснодар, 2007. С. 40–46.
- Заявление евреев..., 1867 – Заявление евреев, проживающих в Екатеринодаре // *Кубанские областные ведомости*. 1867. № 15. 15 апреля. С. 108.
- К выборам раввина, 1908 – К выборам раввина // *Новая заря*. 1908.
- Казачек, 2002 – Казачек Е. Евреи Кубанской Области в XIX–XX веках: историко-культурный аспект // *Грани 2002: Материалы научной сессии ФИСМО*. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. С. 101–116.
- Кальмина, 2003 – Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003. 422 с.
- Кирей, 2000 – Кирей Н.И. Евреи Краснодарского края // *Бюллетень Антропология Меньшинства, Мультикультурализм*. 2000. № 2. С. 134–144.
- Клиер, 1995 – Клиер Дж. О русско-еврейской интеллигенции // *Труды по иудаике Петербургского еврейского университета*. Вып. 3. СПб., 1995.
- Колесов, 2007 – Колесов В. Преодолевая Черту: страницы истории еврейской общины Екатеринодара–Краснодара // *Екатеринодар–Краснодар: 140 лет городского самоуправления. История и современность: Материалы межрегион. науч.-практ. конф.*, Краснодар, 12 мая 2007 г. Краснодар: [б.и.], 2007.
- Кубанские областные ведомости – Кубанские областные ведомости.
- Кубанский курьер – Кубанский курьер.
- Левитац, 2013 – Левитац И. Еврейская община в России. М.: Книжники [и др.], 2013. 650 с.
- Листок войны – Листок войны.
- Марков, 2006 – Марков В.Н. Сословные группы евреев южно-российской общины за чертой оседлости // *Общественно-публицистический и культурно-просветительский журнал еврейских общин стран СНГ «Корни»*. М.–Киев, 2006. № 31. С. 34–42.
- Меерович, 1906а – Меерович И.Я. Граждане мещане // *Кубанская жизнь*. 1906. № 25. 27 апреля.
- Меерович, 1906б – Меерович И.Я. Перед выборами в думу // *Заря*. 1906. № 27. 5 мая.
- Натанс, 2007 – Натанс Б. За чертой: евреи встречаются с позднимперской Россией. М.: РОССПЭН, 2007. 464 с.
- Недельная Хроника Восхода – Недельная хроника Восхода.
- Норкина, 2012 – Норкина Е. С. Еврейские погромы на казачьей улице. К истории еврейских погромов на Кубани в октябре 1905 г. // *Тирош*. 2012. Вып. 12.
- Оспищева, 2003 – Оспищева Л.Е. История благотворительных организаций Кубани (конец XIX – начало XX века): опыт изучения. Майкоп: Адыгея, 2003. 255 с.

- Первая Всеобщая перепись..., 1897** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1905. Т. 65. Кубанская Область. С. III.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Черный, 1884** – *Черный И.Я.* Путешествие по Кавказскому и Закавказскому краю (иврит). СПб., 1884. 350 с.
- ЦАИЕН** – Центральный архив истории еврейского народа (Иерусалим).
- ЦСА** – Центральный сионистский архив (Иерусалим).
- Katz, 1973** – *Katz J.* Out of the ghetto: The social background of Jewish emancipation, 1770-1870 / [By] Jacob Katz. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1973. 271 p.
- Kleinmann, 2006** – *Kleinmann Y.* Neue Orte – neue Menschen: Jüdisches Leben in St. Petersburg und Moskau im 19. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 459 p.

References

- Bartal', 2007** – *Bartal I.* (2007). Ot obshhiny k natsii: evrei Vostochnoj Evropy v 1772-1881 gg. [From the Community to the Nation: Jews of the East Europe in 1772-1881]. M.: Mosty kul'tury; Ierusalim: Gesharim. 262 p. [in Russian]
- CAIEN** – Central'nyj Arkhiv Istorii evrejskogo naroda (Ierusalim) [The Central Archive for the History of Jewish People].
- Chernyj, 1884** – *Chernyj I.Ja.* (1884). Puteshestvie po Kavkazskomu i Zakavkazskomu kraju [Travel to Caucasian and Transcaucasian region]. SPb. 350 p. (in Hebrew).
- CSA** – Central'nyj Sionistskij Arkhiv (Ierusalim) [The Central Zionist Archive].
- Evrejskij hudozhestvennyj..., 1917** – Evrejskij hudozhestvennyj vecher [The Jewish Artistic event]. *Kubanskij kur'er*. 1917. 19 fevralja. No 2275. P. 3. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of Krasnodar Region].
- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].
- Grossman, 1910** – *Grossman M.* (1910). Provincija [Province]. *Novyj Voskhod*. No 1. pp. 21-24. [in Russian]
- K vyboram ravvina, 1908** – K vyboram ravvina [To the election of Rabbi]. *Novaja zarja*. 1908. [in Russian]
- Kal'mina, 2003** – *Kal'mina L.V.* (2003). Evrejskie obshhiny Vostochnoj Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 g.) [Jewish communities of East Siberia (middle of the XIXth-February 1917)]. Ulan-Udje: VSGAKI. 422 p. [in Russian]
- Katz, 1973** – *Katz J.* (1973). Out of the ghetto: The social background of Jewish emancipation, 1770-1870. Cambridge (Mass.): Harvard university press. 271 p.
- Kazachek, 2002** – *Kazachek E.* (2002). Evrei Kubanskoj Oblasti v XIX – XX vekah: istoriko-kul'turnyj aspekt [Jews in the Kuban Area in the XIX th-XXth centuries: historical-cultural aspect]. *Grani 2002: Materialy nauchnoj sessii FISMO*. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet. pp. 101–116. [in Russian]
- Kirej, 2000** – *Kirej N.I.* (2000). Evrei Krasnodarskogo kraja [Jews of the Krasnodar Region]. *Bjulleten' Antropologija Men'shinstva, Mul'tikul'turalizm*. No 2. pp. 134-144. [in Russian]
- Kleinmann, 2006** – *Kleinmann Y.* (2006). Neue Orte – neue Menschen: Jüdisches Leben in St. Petersburg und Moskau im 19. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 459 p. [in German]
- Klier, 1995** – *Klier J.* (1995). O rusско-еврейскоj intelligencii [About the Russian-Jewish Intelligentsia]. *Trudy po iudaike Peterburgskogo evrejskogo universiteta*. Is. 3. SPb. [in Russian]
- Kolesov, 2007** – *Kolesov V.* (2007). Preodolevaja Chertu: stranicy istorii evrejskoj obshhiny Ekaterinodara-Krasnodara [Overcoming the Pale: the Pages of history of Jewish community in Ekaterinodar-Krasnodar]. Ekaterinodar – Krasnodar: 140 let gorodskogo samoupravlenija. Istorija i sovremennost': Materialy mezhregion, nauch.-nrakt. konf., Krasnodar, 12 maja-2007 g. Krasnodar: [b.i.]. [in Russian]
- Kubanskije oblastnye vedomosti** – Kubanskije oblastnye vedomosti [Kuban Region Bulletin].
- Kubanskij kur'er** – Kubanskij kur'er [Kuban Courier].
- Levitac, 2013** – *Levitac I.* (2013). Evrejskaja obshhina v Rossii [The Jewish community in Russia]. M.: Knizhniki [i dr.]. 650 p. [in Russian]
- Listok Voyny** – Listok vojny [Leaf of war].
- Markov, 2006** – *Markov V.N.* (2006). Soslovnnye gruppy evreev juzhno-rossijskoj obshhiny za chertoj osedlosti [Class Groups of Jews in South-Russian community beyond the Pale of Settlement]. Obshhestvenno-publicisticheskij i kul'turno-prosvetitel'skij zhurnal evrejskikh obshhin stran SNG «Korni». M.-Kiev. No 31. pp.34-42. [in Russian]
- Meerovich, 1906a** – *Meerovich I.Ja.* (1906). Grazhdane meshhane [Citizenry Philistines]. *Kubanskaja zhizn'*. No 25. 27 aprelja. [in Russian]
- Meerovich, 1906b** – *Meerovich I.Ja.* (1906). Pered vyborami v dumu [To the elections to the Duma]. *Zarja*. No 27. 5 maja. [in Russian]
- Natans, 2007** – *Nathans B.* (2007). Za chertoj: evrei vstrechajutsja s pozdneimperskoj Rossiej. [Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia]. M.: ROSSPEN. 464 p. [in Russian]

[Nedel'naja Hronika Voshoda](#) – Nedel'naja hronika Voshoda [Weekly Chronicle of Voskhod].

[Norkina, 2012](#) – *Norkina E.S.* (2012). Evrejskie pogromy na kazach'ej ulice. K istorii evrejskih pogromov na Kubani v oktjabre 1905 g. [Jewish pogroms on the Cossack Street. To the history of Jewish Pogroms in Kuban' Region on October 1905]. *Tirosh*. Is. 12. [in Russian]

[Ospishheva, 2003](#) – *Ospishheva L.E.* (2003). Istorija blagotvoritel'nyh organizatsij Kubani (konets XIX – nachalo XX veka): opyt izuchenija [The History of Charitable Organizations of Kuban' (the end of the XIXth – the beginning of the XXth centuries)]. Majkop: Adygeja. 255 p. [in Russian]

[Pervaja Vseobshhaja Perepis'..., 1897](#) – Pervaja Vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj Imperii, 1897. [The First General Census of the Population in the Russian Empire, 1897]. SPb., 1905. Vol. 65. Kubanskaja Oblast' S. III. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

[RGVIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military History Archive].

[Rohlin, 1909](#) – *Rohlin A.Ja.* (1909). *Na Kavkaze*. 1909. № 4. pp. 532-534. [in Russian]

[V sinagoge](#) – V sinagoge [In Synagogue]. *Kubanskij Kurier*. 1911. No 717. 22 fevralja

[Zajavlenie evreev..., 1867](#) – Zajavlenie evreev, prozhivajushhijh v Ekaterinodare [Declaration of Jews living in Ekaterinodar]. *Kubanskije oblastnye vedomosti*. 1867. № 15. 15 aprelja. P. 108. [in Russian]

[Zhadan, 2007](#) – *Zhadan V.A.* (2007). Stanovlenie sistemy mestnogo samoupravlenija Ekaterinodara (1868-1870 gg.) [Formation of the local system of self – government in Ekaterinodar]. Ekaterinodar-Krasnodar: 140 let gorodskogo samoupravlenija. Istorija i sovremennost'. Krasnodar, pp. 40-46. [in Russian]

Еврейская община за чертой оседлости во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере еврейской общины Екатеринодара)

Екатерина Сергеевна Норкина ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Еврейская община за чертой оседлости как явление не получила достаточного освещения в историографии. Наши знания о внутренней жизни таких общин ограничены конкретными историями еврейских общин различных «внутренних» регионов Российской империи. В представленной статье община интересует автора как составляющие ее личности, которые определяют ее, принимают или отторгают новые процессы, связанные с модернизацией иудаизма в Новое время и влияющие на ее внутреннюю жизнь. Автор демонстрирует изменения в общине на примере жизни и деятельности отдельных личностей, числившихся ее членами. Поставленная проблема изучается на примере еврейского населения Екатеринодара конца XIX – начала XX вв. В данной работе привлекается широкий спектр источников: делопроизводственные материалы, личная переписка, периодические издания, еврейские метрические книги, этнографические заметки, опубликованные на иврите. Большинство неопубликованных документов (архивов Израиля, России) впервые вводятся в научный оборот.

Автор приходит к выводу, что применительно к особенностям жизни еврейского населения в Екатеринодаре к началу XX в. более корректно будет употреблять термин «сообщество», а не «община». Та организация, в которой участвовали местные евреи, не может удовлетворять определению классической общины, которая существовала в черте оседлости. Налицо тенденции отделения синагоги и религиозной жизни от других важных сторон еврейской общинной жизни.

Ключевые слова: евреи, община, синагога, Екатеринодар, иудаизм, раввин, сионизм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Norichmail@yandex.ru (Е.С. Норкина)